

Жуань Дао положил плату за осмотр в аптечку врача и, склонившись, сказал:

— Мой господин — особа исключительная. Если кто-то спросит о сегодняшнем визите, прошу вас, господин лекарь, подобающим образом отредактировать свои слова. Скажите просто, что это было от сильного волнения.

Аптечка на плече врача потяжелела, и он поспешно закивал:

— Будьте спокойны.

Жуань Дао улыбнулся и сделал жест рукой по направлению к двери:

— Прошу вас. Я провожу вас через задний выход.

Врач взвалил аптечку на плечо и поспешно вышел из комнаты.

После того как они ушли, Лу Це на кровати медленно пришёл в себя. В глубине его глаз была полная ясность и прозрачность, и ничто не выдавало недавнего обморока.

К тому времени, как Жуань Дао вернулся, прошло время, за которое сгорает одна палочка благовоний. Лу Це, накинув лёгкий плащ, стоял у окна, наблюдая, как ночные огни столицы танцуют у него на глазах.

Лу Це не обернулся, его глаза были полуприкрыты, а голос звучал, словно лёгкий дымок:

— Говори.

Жуань Дао:

— Прежним владельцем усадьбы был наследный принц Цяньгуан. После неудачи в мятеже он был помещён под домашний арест в этом загородном доме. Покойный император был милосерден и не стал уничтожать наследного принца Цяньгуана под корень. Однако, будучи под арестом, наследный принц Цяньгуан всё думал о восстановлении своего положения. Покойный император пришёл в ярость и тогда уже расправился с ним окончательно. После смерти наследного принца Цяньгуана та усадьба опустела, и, поскольку расположена она в довольно глухом месте, ею никто не интересовался.

Лу Це:

— Что ещё?

Жуань Дао:

— Этот особняк лично выбрал Его Высочество наследный принц.

Лу Це открыл глаза, в их глубине мелькнул холодный блеск:

— Тогда всё сходится.

Я — искра, способная вызвать пожар, но сейчас я заперт здесь. Если я захочу, чтобы пламя разгорелось вновь, то буду подобен наследному принцу Цяньгуану, который лишь поджёт себя самого. И продвижение вперёд, и отступление затягивают человека в водоворот.

Лу Це был подобен камню, внезапно брошенному в спокойную низину. Из-за его появления

брызги разлетелись во все стороны, взбаламутив ветры и облака по всему городу.

Заставив тех, кто прежде скрывался, невольно всплыть на поверхность.

То, как князь Янь упал в обморок у собственных ворот, стало темой для праздных разговоров за чаем.

Лу Це пригласил известных столичных мастеров, чтобы заново отремонтировать свою резиденцию. У праздного князя есть лишь ежемесячное содержание, а пожалованные императором вещи нельзя легко продать, поэтому он тратил деньги, данные ему Чжоу Таньинем при отъезде.

Ночью Лу Це снова написал письмо и отправил его с голубем в Великую Чжоу. В письме было написано: [Дорогому брату Таньиню. В последнее время кошелек мой похудел. Не мог бы почтенный брат снова оказать небольшую финансовую помощь? В день, когда я взлечу и добьюсь успеха, я непременно не забуду о щедрой помощи, оказанной мне почтенным братом сегодня. Заранее благодарю].

На следующий вечер один из членов посольской делегации, уже покинувшей столицу, во весь опор помчался обратно. Стражник прибыл в постоялый двор.

Он передал Лу Це всю оставшуюся у него пачку денег и с некоторой болью в сердце сказал:

— Князь велел отдать все эти деньги господину, чтобы помочь в нужде. Он лишь надеется: если разбогатеешь, не забывай.

Тронутый, Лу Це взял пачку банкнот и спрятал её за пазуху, после чего закрыл дверь, отказавшись от дальнейших визитов.

После выходных Лу Це, занимая должность в Министерстве церемоний, в соответствии со своим рангом также должен был присутствовать на утреннем собрании при дворе.

Он находился в средних рядах гражданских чиновников, в то время как во главе военных стоял давно не появлявшийся князь Цзянбэй, а во главе гражданских — наследный принц Лу Юй.

Собрание было не более чем подведением итогов визита из Великой Чжоу. В последние годы в Великой Чу в стране царили мир и спокойствие, ветер и дожди были своевременными. Чиновники излагали свои дела в докладах, поэтому собрание прошло весьма неспешно.

После окончания собрания Лу Це намеренно задержался на некоторое время у ворот зала Чжэндэ, дожидаясь Фу Чэнцы. Увидев, что рядом с Фу Чэнцы никого нет, он с облегчением вздохнул.

Быстро подошёл к нему.

Его глаза-персики сияли, глядя на Фу Чэнцы, словно в них отражалась весенняя вода. Он улыбнулся и сказал:

— Собрание закончилось. Князь Цзянбэй, не составите компанию?

Фу Чэнцы никогда не отрицал, что Лу Це был очень красив, особенно его глаза — изящные, с таящейся в них прелестью. Если он смотрел на кого-то так, как сейчас, то казалось, будто в глубине его зрачков таится бездонный омут, скрытый дымкой, непостижимый, затягивающий в

скрытое водоворотное течение, от которого трудно удержаться.

Они вместе вышли на улицу, и Лу Це, казалось, всему удивлялся, ко всему тянулся, чтобы потрогать.

Фу Чэнцы шёл за ним, сложив руки за спиной, его взгляд был прикован к лицу Лу Це. Он заметил, что половина того лица выглядела ещё бледнее, чем когда он видел его во дворце Фэнъян. Возможно, из-за того, что он находился на солнце, его кожа была подобна прозрачному лотосу.

Они шли бесцельно. Улица была длинной, по обеим сторонам толпились торговцы всех мастей, а дорога посередине, оставленная для проезда повозок и лошадей, также была полна прохожих. Периферийным зрением Фу Чэнцы, много лет выработавший бдительность, почувствовал, как внутри зазвенел сигнал тревоги. Он прищурился, схватил Лу Це, собиравшегося свернуть в одну из лавок, и оттащил его назад, прошептав на ухо:

— Не бегай где попало. За нами следят.

Лу Це хотел оглянуться, но на его голову легла рука. Тепло ладони, прикоснувшись к коже у виска, вернуло его обратно. Низкий голос проник в ухо, невольно вызвав дрожь.

Такая близость словно разрушила тонкий лёд, вернув к какой-то глубокой ночи, смятению чувств, переплетению и сплетению.

Голова мгновенно опустела. Лу Це почувствовал себя марионеткой, лишённой способности двигаться, позволив Фу Чэнцы вести себя, не зная куда.

Когда скрывавшийся в тени хвост исчез, Фу Чэнцы лишь наполовину ослабил хватку на руке Лу Це, нахмутив брови, сказал:

— На улице небезопасно. Где ты сейчас живёшь? Я провожу тебя.

Блеск в глазах Лу Це сверкнул, красные уголки его глаз были живыми и яркими. Тихо, едва слышно, он сказал:

— Говорят, резиденция князя Цзянбэя находится недалеко от дворцовой стражи. Должно быть, там очень безопасно.

Произнеся это, он сделал паузу, очень многозначительную. Брови Фу Чэнцы дрогнули, в душе у него зародилось смутное предчувствие, и действительно, в следующий момент он услышал от человека перед ним:

— Мой новый особняк сейчас в ремонте, а я живу в постоялом дворе. Видя, что кошелек мой похудел, почему бы мне не пожить у тебя в резиденции?

Жуань Дао, тайно подслушавший всё это, безмолвно засунул глубже за пазуху банкноты, которые вчера только что доставили стражи.

Вэй Е, наблюдавший за каждым движением Жуань Дао, положил руку на меч у пояса. Если бы тот сделал любое подозрительное движение, он постарался бы убить его с одного удара.

Ожидаемый гнев не пришёл. Вместо него раздался презрительный фырк:

— Неужели Его Высочество князь Янь сегодня утром на улице голова закружилась?

Это был первый раз, когда Фу Чэнцы так его назвал — Его Высочество князь Янь.

Однако эта насмешка лишь ещё больше разожгла в Лу Це нетерпение. Кончик его языка скользнул по слегка пересохшим губам, в его глазах не было красоты, лишь кристальная чистота, подобная воде.

— Я серьёзно.

Лу Це сделал два шага вперёд. Их рост был примерно одинаков, но по сравнению с Фу Чэнцы Лу Це казался более худым и тщедушным. Сейчас Лу Це смотрел Фу Чэнцы почти прямо в глаза. Он моргнул и сказал:

— Разве князь Цзянбэй не интересуется, для чего я приложил такие огромные усилия, чтобы вернуться в Великую Чу? Почему бы не держать меня у себя на глазах, чтобы ничто не могло ускользнуть от взора князя Цзянбэя.

Фу Чэнцы действительно интересовало, для чего Лу Це приложил столько усилий. В конце концов, после битвы при Гуаньдуне неизвестно, сколько людей возненавидели предателя, проникшего в Великую Чжоу, и, столкнувшись с Лу Це, также жаждали расправиться с ним.

Как и говорил Лу Це, его мать была спасительницей любимой наложницы государя Великой Чжоу, а в его руках находилась оставшаяся половина карты с расположением крепостей. Такой весомый козырь позволял ему обосноваться и жить спокойно на территории Великой Чжоу, что было лучше, чем возвращаться сейчас, когда кругом одни опасности.

Любопытство к чему-либо подобно желанию. Как только у человека появляется желание, он вынужден становиться его рабом. Возможно, движимый желанием, Фу Чэнцы принял решение, столь же глупое, как и согласие на приглашение Лу Це. Он кивнул.

Согласился с доводами Лу Це.

Но почти сразу же добавил:

— Если ты будешь входить и выходить из резиденции князя Цзянбэя, это вызовет ещё больше внимания.

Лу Це, похоже, уже продумал отступление. Улыбаясь, он сказал:

— В выходные дни я постараюсь сидеть дома и не шататься где попало. А в дни собраний я буду выходить через твой задний двор и идти по другой улице.

Безупречно. Казалось, помимо любопытства и желания, появилась ещё одна причина, от которой трудно отказаться.

Фу Чэнцы промолчал. Это означало согласие.

Дядя Чжун прибыл в столицу вместе с Фу Чэнцы три года назад и был старым управляющим в резиденции Цзянбэй.

Сегодня, после собрания, он не видел, как вернулся его господин. Теперь погода постепенно вступала в осень, и во внутреннем дворе повсюду валялись опавшие листья. Дядя Чжун лично повёл слуг во внутренний двор.

— Хорошо подметите все четыре угла, не пропустите и маленький пруд за стеной двора, —

упорядоченно отдавал распоряжения слугам дядя Чжун.

[Сегодня кое-что случилось, увы, могу выдать только короткую главу, завтра обязательно будет длинная! Огромное спасибо за вашу поддержку. Простите, простите. Благодарю за прочтение.]

<http://bllate.org/book/15603/1392858>